

А.К. ИСАБЕКОВ, К.Р. УСЕИНОВА

Казахский национальный университет имени аль-Фараби

ПРИНЦИПЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ КАЗАХОВ

Судебный процесс в казахском обществе в XV-XVIII вв. начинался с момента подачи жалобы на известное лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении какого-либо правонарушения. Истец мог обжаловать действие, причинившее ему ущерб, независимо от того, сколько времени прошло с той поры, т.е. право обжалования формально не ограничивалось определенным сроком. Вот, что пишет по этому поводу Л.А. Словохотов: «Судить, т.е. разбирать ссоры и произносить приговор над виновным, по законам хана Тявки, должны были правители тех аулов, к которым принадлежат истец и ответчик. Таков был нормальный порядок, но он не исключал возможности для тяжущихся, по желанию, обращаться к уважаемым старейшинам из другого аула. Тяжущиеся стороны могли приглашать к разбирательству избранных ими двух посредников, как людей способных более толково и обстоятельно изложить судебное дело. Самый суд производился скоро, без всяких предварительных исследований и расспросов, кроме опроса лиц и свидетельских показаний. Совесть и личное убеждение избранных судей устанавливали фактическую сторону дела, юридическая же его квалификация определялась соответствующим указанием «Джыты Джарга» [1, с.81].

В том случае, если стороны останавливали свой выбор на двух биях, обладающих одинаковыми достоинствами, то выбор делался в пользу старшего по возрасту. Недаром в казахском обществе существовала поговорка: «Жаңа биден билік сұрама».

Бий был вправе принять дело к производству как по просьбе истца, так и по обоюдному прошению тяжущихся. Однако, в первом случае бий должен был принять необходимые меры для проведения судебного заседания с участием обеих сторон. Ответчик в любом случае обязан был откликнуться на оповещение бия о возбуждении в отношении него дела. В случае неявки ответчика или его доверенного лица на суд в назначенное время без уважительной причины, бий был вправе по рассмотрении дела заочно принять решение в пользу истца, а в отношении уклоняющегося от суда ответчика, мог быть наложен штраф. Ответчик вправе отвести выбранного истцом бия, если у него есть веские основания сомневаться в его беспристрастности. В том случае, если сомнения в отношении бия не подтверждаются конкретными фактами, виновный подвергался наказанию. Если же ответчик не имел каких-либо возражений, бий приступал к организации судебного процесса.

Кроме болезни никакое другое обстоятельство не должно было препятствовать бию в немедленном разбирательстве дела. В случае болезни бий мог отсрочить суд и расправу до своего выздоровления. Но если обстоятельства дела не могли терпеть отсрочки, то бий в таком случае обязан был отослать тяжущихся или преступника к другому по его усмотрению бию. Процессуальные нормы обычного права знали и институт отвода судей, однако ложное подозрение (стало быть, подрыв авторитета бия) наказывалось штрафом. Казахское обычно-процессуальное право отвод понимало, как способ устранения отдельных участников от непосредственного участия в деятельности суда биев. Прямая или косвенная заинтересованность лиц в исходе дела, обстоятельства вызывающие сомнения в беспристрастности, общественное положение, социальное происхождение, родство, свойства, дружба или вражда в конкретных случаях служили веским основанием для отвода участников процесса. Не было единых правил отвода судей, в том числе и официальных биев. Например, Чарский Чрезвычайный съезд в Майском Ереже 1885 года установил: «все споры, тяжбы и иски между казахами одного старшинства решает бий того же старшинства, причем он сам обязан себя отвести в том случае, если одна из сторон состоит с ним в родстве: дед, отец, брат, племянник, внуки или в прямом сватовстве или вражде. По казахскому обычному праву отводу подлежали не только судьи, но и свидетели, присяжные и другие участники процесса. К условиям, послужившим поводом для отвода, относились:

1. Наличие родственных и свойственных отношений между участниками процесса;
2. Если участники состоят в общеизвестной вражде;
3. Если судьи, свидетели, присяжные и другие участники процесса заинтересованы в исходе дела;
4. Также поводом служил факт «тамырства» дружбы или приятельских отношений, связывающие их взаимными подарками или услугами.
5. Также поводом служило: лживость лиц, не внушающих доверия в личных поступках; лиц, избалованных в лжеприсяге или лжесвидетельстве; лиц, имеющих умственные или физические недостатки; лица женского пола [2, с.13].

Сроки исковой давности точно не были регламентированы, но суд за давностью мог отказать в иске и примирить стороны, если истец не докажет объективных причин несвоевременного предъявления иска бию.

Если обиженный киргиз по какому бы то ни было преступлению явится к бию с жалобой или просьбой разобрать дело спустя несколько месяцев или по истечении года и более, в таком случае разбирательство бия скорее клонится к примирению обеих сторон, чем к взысканию, основанных на обычаях или даже в Алкоране.

По истечении довольно долгого времени истец не имеет права настаивать об его удовлетворении или наказании ответчика. Однако исключением из этого случая является правило, когда расстояние не позволило явиться жалующимся бию вовремя, или если лицо, совершившее преступление скрылось, и необходимо было долгое время на его розыск.

До введения в казахский суд изменений по реформам 1867-68 годов, тяжущиеся стороны в выборе суда и иных форм суда по обычаю никакими обстоятельствами не были ограничены.

«Всякий, кого выберут сами тяжущиеся и перед кем спорящие бросят свои плети «камши», тот имел право разбирать и оканчивать всевозможные дела» [3].

Рассмотрение дела в суде биев начиналось с обряда бросания перед судьей плетей истцом и ответчиком. Это символизировало не только согласие обеих сторон с составом суда, но и то, что обе стороны обязывались быть согласными исполнить любое решение суда биев. Бросание плеток имело важное процессуальное значение, поскольку после этого, в частности, не принимался отвод судей, а всякая попытка недозволенным способом помешать работе суда квалифицировалась как противоправное действие против суда биев и могла повлечь правовую ответственность. Бий избирался по решению обеих спорящих сторон. Если бий был избран по желанию только одной стороны, то вынесенное решение считалось несправедливым, и дело подлежало новому, повторному рассмотрению. Преимущество этого положения было в том, что проигравшая сторона не могла иметь претензий к справедливости вынесенного решения по той причине, что бий был избран по желанию обеих сторон [4, с.96].

На наш взгляд, основная особенность суда биев состояла в том, что сторонами судебного процесса выступали не отдельные индивиды, а родовые группы, связанные на низших уровнях единым имуществом, а на более высоком – общими социально-хозяйственными интересами.

Это находило выражение в следующем:

1. Как известно, одним из важнейших доказательств была присяга. Но присягу приносили не сами индивиды в лице истца и ответчика, а их наиболее уважаемые сородичи. Присяга могла налагаться на различный круг родственников вплоть до седьмого колена в зависимости от сложности и запутанности рассматриваемого дела.

2. Ответственность в виде уплаты аипа или куна налагалась на родовую общину виновного. Соответственно аипы и куны получало также родовое сообщество потерпевшего.

3. Как правило, преступление совершенное в своем ауле наказывалось строже, чем преступление, совершенное в чужом ауле.

4. Традиционному кочевому обществу казахов не были известны механизмы защиты прав отдельной личности, существующей вне родового коллектива.

К. Алимжан по этому поводу отмечает следующее: «Так как всякий человек в казахской степи был членом общины, любой судебный спор естественным образом становился межобщинным, если, конечно, истец и ответчик – не из одного коллектива (общины). Разрешить проблемы внутри общины гораздо проще, особенно если тяжущиеся связаны родством. Когда же спорщиками являлись представители общин, не связанные родственными отношениями, речь зачастую шла о защите родовой чести. В этой связи всякий мало-мальски значимый спор превращался в значительную общественную проблему. Поэтому необходимо было свести к минимуму малейшее сомнение в справедливом разрешении дела. Совокупность факторов обусловила максимальную «прозрачность» и детальную регламентацию процедур, составлявших институт суда биев» [5, с.59].

Прежде чем начать процесс, бий предлагал сторонам примирение и в случае отказа начинал слушание. Обычно это происходило при большом стечении народа, причем не только заинтересованных людей, но и всех желающих.

Стороны могли изложить перед бием собственную версию конфликта и суть выдвигаемых обвинений либо их необоснованность. Первым, обычно, выступал истец, после чего бий предоставлял слово ответчику, который либо полностью, либо частично признавал справедливость обвинений и выражал готовность адекватно возместить причиненный ущерб, и тогда бий немедленно приступал к примирительным процедурам после которых конфликт считался исчерпанным. Если ответчик отвергал вздорные, по его мнению, обвинения и доказывал свою невиновность, судебный процесс переходил в следующую стадию – рассмотрение обстоятельств дела.

Истец, и ответчик предъявляли суду свидетелей, если таковые имелись, каждый из которых своими показаниями подтверждал или опровергал доводы в пользу одной из сторон.

Обеспечение явки свидетелей и ответчика, как правило, ложилось на истца. В зависимости от сложности гражданского иска или тяжести совершенного преступления требовались 2-3 и более свидетелей. В тех случаях, когда свидетелей по делу не оказывалось или же свидетельские показания не вносили ясности, суд прибегал к институту присяги. Однако присягали не истец и ответчик, «за них должны присягать люди, известные своей честностью. Если же никто за

обвиняемого не присягнет, то он осуждается. В суде биев, где все дела решались и утверждались на основании официально принятой присяги, участвовали и защитники. По ходу дела они, используя имеющиеся доказательства, давали биям достоверные сведения» [6, с.81].

Свидетелями по казахскому обычному праву не могли быть: женщины ближайших родственников истца и ответчика; несовершеннолетние; лица, подвергавшиеся ранее телесным наказаниям; лица, ранее уличенные в лжесвидетельстве; лица, признанные душевнобольными. В качестве свидетеля мог быть привлечен любой добропорядочный человек, не относящийся к перечисленным категориям. Стороны были вправе вести кандидатов в свидетели, если имели серьезные основания сомневаться в их искренности. Такими основаниями признавались подкуп свидетеля, родство, свойство, дружба или вражда с истцом или ответчиком.

Свидетельствовать мог сородич истца или ответчика, если обе стороны единодушно выразили ему доверие.

В случае невозможности привлечения свидетелей из-за их отсутствия или неопределенных показаний, суд прибегал к присяге, т.е. сакральной клятве человека, известного своей честностью. Практиковались присяги: со стороны ответчика – оправдательные (очистительные), со стороны истца – обвинительные (подтвердительные). Однако первые применялись гораздо чаще.

Приносить присягу могли лишь лица, достигшие совершеннолетия. Не имели права присягать дети, поскольку не понимали значения присяги, а так же женщины. Чаще всего к присяге приводились знатные и уважаемые члены рода.

Исчерпав все иные возможности, бии обращался к ответчику с требованием принесения присяги, подтверждающей его невиновность. Могло быть назначено несколько присягающих. Присягателя из сородичей или иных близких ответчику лиц, выбирал истец. Однако избранное им лицо не должно было находиться во вражде с ответчиком.

Расчет суда при назначении присяги состоял в том, что присягатель, зная о возложенной на него ответственности, как сородич, т.е. лицо, близкое к ответчику, обладал гораздо большими возможностями для установления вины ответчика, так как окружение последнего обычно осведомлено о его виновности или невиновности. Для присягателя речь шла о собственной чести. Присягнув в невиновности, но зная о вине сородича или имея серьезные основания предполагать вину, присягатель тем самым терял репутацию честного человека, прежде всего, среди родственников, а значит, неизбежно и в обществе. Поэтому, любой присягатель, как правило, обязательно проводил собственное расследование и пытался со своей стороны примирить тяжущихся, после чего, при неудачном исходе, принимал одно из двух необходимых решений. Он мог в назначенное время присягнуть, будучи уверен в невиновности сородича. В этом случае суд с чистой совестью выносил решение в пользу ответчика, признавая его невиновным. Если же присягатель установил, что ответчик виновен, он мог просто не явиться в назначенное место. Суд, не дождавшись присяги и однозначно истолковав причину этого, опять-таки с чистой совестью выносил решение в пользу истца.

В суде биев, где все дела решались и утверждались на основании официально принятой присяги, участвовали и защитники. По ходу дела, они, используя имеющиеся доказательства, давали биям достоверные сведения. Защитниками по «Жеты-Жаргы» хана Тауке могли выступить все желающие. Защитники имели право использовать все имеющиеся в их распоряжении средства для защиты обвиняемого.

Спорящие стороны не имели права давать поручительство. Поручителем за обвиняемого мог выступить известный своей честностью, почитаемый всеми человек. Поручительство людей малоизвестных, не пользующихся особым авторитетом не принималось, они к присяге не допускались. Логика такова: оказание доверия людям нечистоплотным, непорядочным открывало дорогу беззаконию и вынесению незаконных решений. В случае, если в ходе судебного разбирательства возникали непреодолимые сомнения, то стороны могли прибегнуть к поручительству. По нормам обычного права истец мог потребовать поручительство от наиболее уважаемого члена рода ответчика. На практике имели место случаи, когда по требованию истца поручителем ответчика выступало лицо, находившееся во враждебных отношениях с ответчиком. В данном случае ответчик может отказаться от поручительства. Всего ответчик мог принести свой отказ не более четырех раз. Поручителем избирается человек до десятого колена родственников.

Близкая – дальняя родня привлекается в зависимости сложившихся обстоятельств и по усмотрению ответчика. После поручительства дело считалось оправданным. Споры на этом прекращаются. Поэтому зачастую обе стороны стараются обходиться без поручительства. Поручителю тоже не так-то просто пребывать в этой роли. Он рискует услышать: «вынес оправдание не разобравшись в деле, как следует».

Если народу не известны все стороны дела, а поручительство выглядит сомнительным, ругающийся теряет уважение в глазах окружающих. Поэтому иногда поручитель сам выплачивает скот потерпевшему, как «садака». Таким образом, многие дела обходятся без присяги. Или обе стороны приходят к взаимному соглашению, или возместивший убытки поручитель примиряет их, либо дело прекращается по распоряжению биев, удовлетворенных заявлением поручителя о готовности к присяге.

Заслушав все показания, проанализировав их, бий выносил приговор в устной форме.

Если стороны признавали приговор суда справедливым, а конфликт исчерпанным, то истец и ответчик по окончании процесса и вынесении решения брались за разные концы веревки, и кто-нибудь из посторонних лиц разрезал ее, за что ему полагалось вознаграждение. Данный обряд получил название «алажип» и символизировал завершение судебного процесса.

К характерным условиям совершения обряда «алажип» и его юридическим последствиям обычное право казахов относит:

1. Обряд совершался по мере окончания судебного разбирательства и выплаты тяжущимся друг другу причиненных материальных ущербов и убытков, если обе стороны имели претензии, что установлено судом.

2. Обряд совершался по окончании процесса как по уголовным так и по гражданским делам в присутствии самих биев и участников судебной тяжбы.

3. Обряд совершался сторонами или по их поручению или по доверенности.

4. «Алажип» вправе были совершать родители, родственники или вообще поверенные, если они являлись законными представителями или доверенными тяжущихся сторон.

5. Лицу, разрезавшему веревку, ответчик обязан был подарить халат.

Кроме того, ножик, которым разрезалась веревка так же оставался у того, кто разрезал веревку.

1. Совершение обряда «алажип» исключало возобновление спора, тяжбы и никакое иное лицо во вторичное разбирательство дела не должно было входить. Это обстоятельство убеждает в том, что до введения в Казахстане бийских судебных инстанций и принципов обжалований неоконченных приговоров и решений биев не было, не существовало определений апелляционных и кассационных инстанций суда. Совершение обряда "алажип" являлось критерием, исключающим возможность апелляции.

2. Если жалоба сторон, поданная после совершения обряда «алажип» окажется ложной, то лица, виновные в этом наказывались телесно по усмотрению разбиравшего данное дело бия.

Нормы обычного права предусматривали исключение из общего правила совершения обряда «алажип» и возобновления судебного разбирательства между доверителем и поверенным, если последний допустил злоупотребление доверием тяжущегося. «Если поверенный при совершении обряда «алажип» - свидетельствует архив второй половины XIX века, - употребит во зло доверенность доверителя, то есть, заключит "алажип" сполна не получив присужденного в пользу доверителя, то дело совершенное «алажипом» перерешаться не может. Но доверитель имеет право начать иск в отношении своего поверенного на основаниях понесенных по умыслу последнего убытков.

Для совершения обряда «ала-жип» важным условием являлось надлежащее исполнение судебных решений, приговоров.

Так как обе стороны заранее обязались уважать решение суда, по окончании процесса оно обычно добросовестно выполнялось и истцом, и ответчиком. Если какая-либо из сторон отказывалась выполнять судебный вердикт, другая была вправе прибегнуть к законным принудительным средствам, например, к барымте. Такой особый способ исполнения судебных приговоров был порожден отсутствием исполнительной власти [1, с. 81].

В целом практически все русские исследователи верно подметили и различили традиционные бийские суды, функционировавшие в «древней форме» до колонизации края и влияния русской

административно-судебной системы, а так же бийские суды после этого периода. Н.Н. Максимов по этому поводу писал, что для бийского судопроизводства в недавнем прошлом в его «народной форме» были характерны следующие черты:

1. Бии выступали в качестве судей, если они были избраны тяжущимися сторонами;
2. Суд считался легитимным только тогда, когда он производился в присутствии народа или по крайней мере трех свидетелей;
3. Решение суда биев считалось безусловным, неповиновение ему было равносильно выходу из кочевого общества, в особых случаях для принуждения неисправной стороны к исполнению решения суда биев, санкционировалась барымта [7, с.226]. Аналогичного мнения придерживались А.И. Добромислов, Н.А. Козлов и другие. Так, Н.А. Козлов указывал, что публичность суда «основывалась на стариннейшем обычае родовичей защищать интересы своего сородича» [8, с.301].

Таким образом, исполнение судебного приговора характеризовалось следующей особенностью: роль исполнительной власти играла сама выигравшая тяжбу сторона. Способ этот порожденный отсутствием исполнительных органов власти и применявшийся как один из распространенных методов принуждения виновного и его сородичей к выполнению судебного приговора, приводили на деле к тому, что баранта, нередко оканчивавшаяся кровавым побоищем, рассматривалась в «Жеты-Жаргы» не как самоуправное деяние, но как правомерное явление жизни казахского общества того времени [9, с.408].

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Словохотов Л.А. Народный суд обычного права киргиз Малой орды // Древний мир права казахов. - Алматы, 2005. - Т.6. - С. 79-113.
- 2 Шакаев Г.Б. Процессуальное обычное право казахов второй половины XIX и начала XX веков: Автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.01. - Алма-Ата, 1966. - 21 с.
- 3 Ахметжан С. Обычное право у nomadov // Древний мир права казахов. - Алматы, 2005. - Т.1. - С. 149-153.
- 4 Фукс С.Л. Обычное право казахов в XYIII- первой половине XIX века. - Алма-Ата, 1981. - 224 с.
- 5 Алимжан К. Суд биев как институт обычного права // Право и государство. - 1996. - №3. - С. 59-62.
- 6 История государства и права Казахской ССР / Под ред. С.С. Сартаева. - Алма-ата, 1982. - Ч.1. - 184 с.
- 7 Максимов Н.Н. Народный суд у киргизов // Материалы по казахскому обычному праву / Сост.: Т.М. Культелеев, М.Г. Масевич, Г.Б. Шакаев. - Алматы, 1998. - С. 224-237.
- 8 Козлов Н.А. Обычное право киргизов // Материалы по казахскому обычному праву / Сост.: Т.М. Культелеев, М.Г. Масевич, Г.Б. Шакаев. - Алматы, 1998. - С. 300-319.
- 9 Султанов Т.И. «Семь установлений» - памятник права казахов XYII века // Древний мир права казахов. - Алматы, 2005. - Т.4. - С. 408-417.
- 1 Slovohotov L.A. Narodnyj sud obychnogo prava kirgiz Maloj ordy // Drevnij mir prava kazahov. - Almaty, 2005. - T.6. - S. 79-113.
- 2 Shakaev G.B. Processual'noe obychnoe pravo kazahov vtoroj poloviny XIX i nachala XX vekov: Avtoref. dis... kand. jurid. nauk: 12.00.01. - Alma-Ata, 1966. - 21 s.
- 3 Ahmetzhan S. Obychnoe pravo u nomadov // Drevnij mir prava kazahov. - Almaty, 2005. - T.1. - S. 149-153.
- 4 Fuks S.L. Obychnoe pravo kazahov v XYIII- pervoj polovine XIX veka. - Alma-Ata, 1981. - 224 s.
- 5 Alimzhan K. Sud biev kak institut obychnogo prava // Pravo i gosudarstvo. - 1996. - №3. - S. 59-62.
- 6 Istorija gosudarstva i prava Kazahskoj SSR / Pod red. S.S. Sartaeva. - Alma-ata, 1982. - Ch.1. - 184 s.
- 7 Maksimov N.N. Narodnyj sud u kirgizov // Materialy po kazahskomu obychnomu pravu / Sost.: T.M. Kul'teleev, M.G. Masevich, G.B. Shakaev. - Almaty, 1998. - S. 224-237.
- 8 Kozlov N.A. Obychnoe pravo kirgizov // Materialy po kazahskomu obychnomu pravu / Sost.: T.M. Kul'teleev, M.G. Masevich, G.B. Shakaev. - Almaty, 1998. - S. 300-319.
- 9 Sultanov T.I. «Sem' ustanovlenij» - pamjatnik prava kazahov XYII veka // Drevnij mir prava kazahov. - Almaty, 2005. - T.4. - S. 408-417.

ИСАБЕКОВ А.К. ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, КОНСТИТУЦИОННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА КАЗНУ ИМ. АЛЬ-ФАРАБИ, К.Ю.Н.

УСЕЙНОВА К.Р. ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, КОНСТИТУЦИОННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА КАЗНУ ИМ. АЛЬ-ФАРАБИ, К.Ю.Н.

*Казахский национальный университет имени аль-Фараби
050040, Республика Казахстан, Алматы, пр.аль-Фараби, 71*